

Рис. II, 105. 1

136. D. 86
10578
Рис. Ср. Шко. 1

С Л О В О,

КОЕ В ПРИЛКОМЪ СЛАВЕ

ПАТРОНА УЧИЛИШТНОГЪ

ПРОСВЕТИТЕЛЯ СРБСКОГЪ

СВЕТОГА САВЕ,

14. ЯНУАРА 1847. ГОД.

У ЗДАНИЮ ЛИЦЕУМА КНЯЖЕСТВА СРБСКОГЪ

Г О В О Р І О

КОНСТАНТИНЪ БРАНКОВИЧЪ,

Овогодшній Ректоръ Лицеума, Профессоръ Философіи
и проч.

Milutin Gaj
1847.

У БЕОГРАДУ,

У Книгопечатни Княжества Србіи.

1847.

000000

NO 6 HERRING

THE GREAT BRITAIN

THE GREAT BRITAIN

THE GREAT BRITAIN

NO. 319584

Handwritten signature

THE GREAT BRITAIN

THE GREAT BRITAIN

1851

С Л О В О

О СЛАВИ ЛИЦЕУМА К. С.

на Светога Саву 1847. год. говорено.

Многочисленный овай, присутствомъ Представника Србства, и поготову свою найзаслужнии, достоянствомъ и пространымъ знаньмъ одличны' мужава увенчанный, на свечаность овога наукама посвећеногъ храма стекшии се Саборъ, — уколико у мени, садашнѣмъ предстателю високогъ овогъ заведенія, као срећно знаменѣ наукама указуемого участія и покровительства, неисказану радость побуђуе: утолико ме већма неодолимомъ зebнѣомъ испуњава основана мысао, да ли ћу я, кои самъ се по причини мога природногъ, манѣ благотворногъ расположе-ня, данасъ првый путъ съ овогъ, любовлю дру-гова вторично уступлѣногъ ми места, предъ най-важнѣима отечества лицама говорити осмелю; колико данашнѣой свечаности саотвѣтно, толико и Высокопочитаемого Сабора овогъ достойно пробеседати моћи. Но будући да самъ я себи за главну живота мога цѣль поставио ника-вогъ обстоятелства вольно непропуштати, у комъ бы на Рода Надежду, учећу се младежь, поучително подѣйствовати могао; а данашнѣимъ празнованѣмъ спомена Патрона Училиштногъ, Светога Саве, као првогъ Просветителя Срб-скогъ, на ову милу ми дужность опоменуть, све-

срдно испунити в намеравамъ: то немогу другчѣ, него поузданомъ надеждомъ на благонаклонность Высокопочитаемого Сабора према намери моіой охрабривши се, по силама мойма сходну слави просвете беседу повести, кою, као непосредствено на ободренѣ милогъ намъ Подмладка Отечества управлѣну, молимъ, да бы Высокопочитаемый Саборъ благонаклоно саслушао. — —

Но кадъ се у неисцрпимый океанъ мога предузећа мыслено упустимъ, таки ми се на првый погледъ съ ясношћу представля тврдо освѣдоченѣ, да самъ не само мое, него и найврстниегъ мудрослова и бесѣдняка силе надмашаваюћий задатакъ рѣшити намерио. Ёрь кои є тай поѣдиный, кои уобште човечій умъ, кои бы по достоинству ону зраку божества, небесну просвету, коя є людма, нъоме единомъ свое свеколько опредѣленѣ постићи могућима, за водительку звезду крозь таму земнога живота подарена, похваломъ преузнети, кои ли нѣна благодетна на човеческій, безъ нѣ одъ животиньскогъ бедни животъ, дѣйствія и само точно изброяти у станю быо? Чѣга ради, да не бы немогућно предузимао, но да бы у границама сила мой задржао се, само ћу кратко и изводно найпре „о утицаню просвете на човека уобште,“ а затимъ „о нѣномъ утицаню на напредакъ народа као народа, на нѣговъ напредакъ у животу грађанскомъ“ проговорити.

Када пазливый погледъ на цело устройство нашего земнога круга са свима нѣму принадлежећима створеняма обратимо; кадъ наше собствено, човеческо быће одъ колевке до гро

ба са испытуюћимъ окомъ пропратимо: то ћемо се онда на велико наше удивленъ твердо освѣдочити, да є овай гордый господарь земль, овай савладатель люты' одъ нѣга тѣлесномъ снагомъ много ячи' зверова, и тако рећи неограниченый владатель судбій свію мртвы' и живы' природны' производа, — да є, велимъ, овай веломожный гигантъ — кой и саму силу елемента, и нѣовы' штетны' на нѣга утицаня, или сасвимъ победити или ослабити и безвредну учинити може — при своме долазку на овай светъ появленія, єдно тако кукавно створенъ, да се дуже времена ни съ места на место произвольно покренути неможе, а камо ли да средствомъ свои' телесны' малы' сила поменути и друга чуда починити, и свое личности право, о коме остала природа ни трага одъ понятія нема, утврдити, да себе у благостанъ поставити може. Но при овоме погледу и безпристрастномъ сваѣаю применѣногъ, и изъ овога, препростымъ подаваюћимъ се заключеніемъ изведеногъ послѣдства, може ли бити да се и найприсебній, само све ясно себи представляюћій сматратель, поражаваюћомъ силомъ овы' противностій неупрепасти, и у свомъ душевномъ покрету велегласно себе незапыта: каква дакле то исполинска моћъ бити може, коя чисто и саму природу надвлађуюћи, таково иначе слабо, и найвећима потребама окружено, найвећима опасностима изложено створенъ опетъ господаромъ света учинити, опетъ на некій степенъ ствараюћегъ и управляюћегъ божества уздићи може?! И опетъ зато, надамъ се, свакій, кой є само мало природу човеческу испытуюћимъ зоромъ посматрао, и са исторіомъ

човечества поле упознао се, одма ће лако ову, на првѣй погледъ неразрѣшимомъ чинећу се заговетку себи растолковати, одма ће себи на ово велико питанъ задовољавајућій одговоръ дати моћи, будући ће одъ полудневне светлости яснѣ увидити, да є сва ова чуда, која се разуму човеческомъ збогъ грдны, премда само мнимы противословія непостижима быти виде, єдино пробућиванъ, подранъиванъ, негованъ, изоштраванъ и управлянъ умне, у човеку само као мирујућа способность налазеће се моћи, — одма ће, велимъ, увидити, да є сва та непостижима появленя, єдино изображенъ, єдина просвета, ярко ово и благодетно сунце свеколикогъ успѣваня човеческогъ произвела.

Но просвета, да бы права и свога имена и опредѣленія човеческогъ достойна была, мора свестрана, мора, колико є можно, савршена просвета быти, и као што величественно сунце на све свое светове богате излива зраке, — на целогъ човека и нѣговъ животъ свое благодетне луче распростирати. Премудрый Твораць, кадъ є овай свой земный створъ своимъ чувственнымъ одблескомъ, искромъ свое божествене умности одаренымъ човекомъ увенчао, да бы овога участникомъ блаженства свога учиніо, усадіо є у нѣга клице савршенства како телесногъ тако и душевногъ. Просвете дакле, која є изливъ божества, и скупа посредственикъ божіе съ човекомъ намере, нимало манъій задатакъ быти не може, него да овай производъ благости божіе, подранююћи, негуюћи и уздижући нѣгове по природи само у семену и клици налазеће се

способности, до нѣговогъ Творцемъ наменутогъ му опредѣлена доведе.

Премда є вештество безъ духа нѣга оживотвораваюћегъ, мртво, разстроено и коначномъ разрушеню подложно; и по томе съ безсмертнымъ, животворнымъ духомъ ни съ кое стране успоредити се неможе: то опеть, будући є премудрый Саздатель — кои є целу нама познату природу безконачномъ различношћу свои' створеня украсіо — свое земальско умно створенъ у ономъ чувственомъ лику произвести благоволю, — то опеть, велимъ, истина просвета неможе ни манъ важнію, но на свакій начинъ праву саставну часть човека пренебрегнуту оставити. И само безсловесно животно, кога су цѣли живота врло ограничене, сасвимъ є несправильно у своє быћу напредніє, а и нама сама за самый погледъ пріятніє се появлює, кадъ є благонаклоношћу природе, све свое телесне части до определѣногъ му степена савршенства развило и изобразило. Колико пакъ и сама умна дѣятельность човека неразвильемъ телесны' способностей и сила, колико слабошћу телесногъ организма сметена, ограничена и угильтена бити може, свакій се изъ дневногъ честократнога искуства уверити може, ако и небы на то погледати 'тео, да само съ теломъ саюженный духъ целогъ човека, и само у здоровомъ телу здрава душа савршеногъ човека сачинява. Духъ человеческій само посредствомъ тела, као нужднаго орудія свое дѣятельности, може са споляшньимъ светомъ у саобраћанъ доћи, и тако свою личну дѣйственность према овоме появльивати. Што дакле савршеніє ово орудіє саобштаваня

быва, то са тимъ човекъ не само точнѣя впечатлѣня одъ споляшнѣгъ света прѣима, него іоштъ къ томе у станѣ поставля се, да съ нѣме овладати и нѣга на свога живота цѣли згоднѣ употребити може. Каква и одъ како велике важности, у безконечно различныма живота отношеніама, появи се може полза надлежнымъ упражняванѣмъ изоштреногъ ока или уха, на какву ли свою собствену и други' людѣи несплаћену помоћъ врло често послужити могу упражняванѣмъ укреплене мишице, и за подужій наглѣя потркъ навикнуте ноге, кои' обоя' а нарочито првы' цѣли сходно гимнастичестко оячаванѣ целоме телу поредъ болѣ виткости тврѣу сталность, поредъ лагане окретности мушку крепость, поредъ неисказане отуда за животь и цѣли ума проистичуће користи, човеку и неко споляшнѣ одличіе и достоянство давати мора?

Али као што е просвете правый кругъ дѣйствованя и управъ безусловный живаль умность; и као што живый и дѣйствующій духъ надъ мртвымъ и тромымъ теломъ нужно првенство имати мора: тако утолико и снажнѣе и обнятнѣе небесне ове кѣри утицанѣ на изображенѣ душе, ове несравнѣно благороднѣе човека части, и правый духовный човека животь имати мора.

Художественно устроена, надъ грубомъ вѣштественношћу узвышена природа човека непотреса се само прѣятнымъ или непрѣятнымъ осѣћаняма, коя се на уживанѣ телесно или овога сметанѣ и узнемириванѣ односе; она се по своѣе духовномъ свойству и самымъ чисто духо-

внымъ, она се самомъ представомъ узбудяти и овогъ узбуђеня посредствомъ чувства свестна постати може. До каквогъ одушевленя не може доћи основаномъ надеждомъ скорогъ развитка свога предрагогъ отечества питаюћий се родолюбаць; съ каквымъ обаяваюћимъ довольствомъ ужива тренутакъ облагорођеный вкусъ имаюћий сматралаць величествены' и красны' производа природе и художества; каква ли блажена радость облива душу юначкогъ добродѣтели ревнителя, кадь правду, кадь добродѣтель, своимъ пожертвователнымъ садѣйствомъ, надъ сильнымъ пакленомъ злобомъ увиди триумфираюћу; какавъ ли напротивъ стра', какви ли отровни угризи раздиру утробу подлога, юште природу човеческу у нечемъ задржавшега зликовца, или на какво зло спремаюћегъ се заблуђеника?? — Но будући да ови потреси духовногъ живота — кои надлежно изображени и управлѣни како ко узвышеню човеческога личногъ достоинства, тако и за живота нѣговогъ цѣли свою благодѣтелну приносе часть — кадь се или у превеликой ячини, као претерана чувствительность, или у слабопримѣтной, као нечувствительность появе, одъ части разорително на целый душевный и телесный организмъ човеча подѣйствовати, одъ части човеческо достоинство поработити могу: то у ономъ погледу праве просвете и истинитогъ изображеня озбыльней задатакъ быти мора, ову моћь нашу душевну, по свима гранама, одъ части побудити и оячати, одъ части развити и изобразити, одъ части управити разума подчинити.

Међутимъ права просвета неможе само при овой више страдателно, него ли дѣятелно имаюћой се моћи заостати. Она мора и на вышу, самосталнию моћь како познаваня тако и дѣланя свое благодетно утицанѣ показати, и само тако човека савршенымъ човекомъ учинити. Она мора разумъ нѣговъ развити и изобразити, да право понятіе о своме животу придобіе, и свое право положеніе у овомъ свету позна. Она га мора обавестити, да онъ по своме личномъ положенію съ таковыма знаняма и умешностима себе обогати, съ којима онъ може честанѣ живота начинѣ у друштву грађанскомъ, у комъ се единствено цѣли земнога живота, као што треба, постићи могу, известно и стално себи осигурати, и свое позванѣ верно испунити. Она са свемогућомъ силомъ своіомъ учинити мора, да се нѣномъ, за свестранымъ савршенствомъ по самой природи тежећемъ любимцу, света истина и правда тако омили, да и' не само онъ самъ никадѣ неповреди, него да му се и никаква жертва велика неучини, којомъ бы скриваву руку нѣіовогъ гонителя одвратити, и нѣи одъ погибели спасти уздао се. Нѣна божествена луча мора тако срце човека осветлити и царство ума нѣговогъ обасяти, да подле страсти, кое само у тами свое жилиште имати могу, изъ оногъ изчезну, а овогъ праведна влада у нѣму утврди се. Нѣна премоћна рука мора одсудно помоћи човеку, да онъ умну слободу свою, ову найвећу свою драгоценость, према свакоме, было откривеномъ и силномъ, было лукавомъ и подмукломъ, слабіемъ нападателю, снажно и съ чешћу одбранити у станю буде. Наипосле као што

е сама она небесногъ порекла, и као што е по томе свагда на свою свету постойбину окренута, тако она и свога почитателя къ нѣговомъ Створителю упутити, и тако га до нѣговогъ крайнѣгъ опредѣленя, вечнога у царству божиѣмъ блаженства, довести мора.

Кадъ пакъ просвета на поединогъ човека свое благодѣтелно дѣйство показуе, то она ово и на државу, коя ништа друго нѣе, но слободно друштво людіи на заштиту свога права и постизанѣ свога благостаня саединѣны, показывати мора. Ерь кадъ и поединый человекъ по свое телесномъ и душевномъ устройству само средствомъ просвете до свога опредѣленя доспети може, права пакъ просвета изванѣ државногъ саединеня ни помислити се не да: то е очевидно, да е она своіомъ божескомъ силомъ себи и самый основъ и условіе свога успѣваня и напредованя створити, да е она люде и у само државно друштво саединити морала. Ерь да бы человекъ и само на ту мысао дошао, да изъ свогъ првобытногъ, тако рећи, чисто животиньскогъ станя изађе, и сложивши се са себи равными створеняма, себе и свое найближе одъ нападаня дивльи зверова, и ячи' одъ нѣга поедины' людіи одбрани, а са тимъ себе у неко блажїе положенѣ према споляшнѣмъ свету постави, — ерь да бы, велимъ, человекъ и само неку тавну слутню о своме праву и овога утврѣненю имати могао, већъ е онъ природе потребама изощренѣ, већъ е у неколико просвештенѣ быти морао. Но као што тавна слутня према ясной свести и тврдомъ убеженю исчезава; какогодъ што ова садъ предпоставлѣна просве-

та у недогледу за просветомъ и данашнѣгъ изображеногъ света налази се: тако є преудалѣно и прво државно саєдиненѣ и нѣговъ напредакъ, за напредкомъ државнымъ у тѣлесномъ и душевномъ, знанственомъ и нравственомъ погледу цвѣтаюћи народа заостао. Єрь кадъ се само она држава правомъ државомъ, државомъ напредномъ и цвѣтаюћомъ назвати може, у којој правда, основъ свакога умногъ сасуштествованя, са свомъ своіомъ нѣой као светинѣи приличећомъ неповредимошћу, сталанъ свой престолъ има, и у којој државограђани подъ овомъ снажномъ егидомъ не само свое особно опредѣленѣ постићи — свестрано благостанѣ уживати —, него и целой држави кодъ други народа уваженѣ набавити могу: то є очевидно, да се таква држава изъ грађана умно и политично дорастлы, изъ грађана у телесномъ и душевномъ смотреңію истинито изображены састояти мора. Гди се пакъ држава са здоровыма и крепкыма, тело свое природы сходно развившыма и изобразившыма, а при томъ цѣли сходнымъ упражняванѣмъ отврднувшыма, и за лако издржаванѣ свакогъ рода терета оспособлѣныма поносити може, гди є дѣйствомъ просвете у грађаныма чувство слободе и права, истине и правогъ поштеня оживило, ту се све главномѣ условію напредка државногъ, све држећой правди подчинити, ту се свеколике цѣли државногъ живота и лако и добро постићи могу. Єрь у такой држави не само да свакій поединый са животомъ, чешћу и иманѣмъ у найбезбеднѣемъ станю одржава се, — што и судови, као у савршеной незавысамости налазећи се, безпризрено

правду изрицати могу, и извршуюћа власть, као обштомъ добромысленомъ вольомъ подкреплѣна, у пуной снази налази се изреченой правицы, према свакоме повредителю права, приличеіе іой свето уваженѣ набавити —, него и целый народъ, као за уставну слободу пунолѣтанъ, посредствомъ свои' одбраника, у законодавству и управляю себе дѣятелно участвуе. Но каогодъ што е за поединогъ свршеногъ човека бриговодительско надъ нѣмѣ надзираванѣ колико унижаваюће и несносно, толико и вештественно штетно: тако напротивъ одъ неизмериме користи како за поединогъ човека, тако и већма за целый народъ быти мора, кадъ онъ притяжаваюћи и душевне и телесне способности, и вештествена средства, ова условія свакоме миле незавысимости, на собствено са собомъ управлянѣ употребити може. Ёрь кадъ е по самой природи свакій наиблизій себи, и нико себи злурадъ быти не може: то ће и целый народъ, као служаюћи се обштимъ умомъ, кои одъ свакогъ поединогъ и тегобе државне болѣ провидити и о сходнымъ средствама болѣ постарати се може, безпрекословно тако искрено и пожертвователно о себи бринуте се, како иначе никакавъ, ма и вайблагодутробніи бриговодитель чинити у станю нѣе. У такомъ поредку стварій ни сама мысао постоянно одржати се не може, да бы се што у законодавству, было правословномъ было управительномъ, за правило изрећи могло, што бы у ползу силніегъ ил' нѣму облизегъ; а на губитакъ слабіегъ служити могло; будући ова слепогъ случая, као и свака на безумію основана, єднородне раздваяюћа раз-

лика предъ судомъ ума, предъ судомъ правне грађанске равности, као тма предъ лицемъ сунца исчезава. Обштій умъ и общте добро у виду имати мора, а злобуде и себичне намере само се у оныма назови-законама показати могу, гди неко друго ме правила владаня пропише, и гди се много, ма колко неправо было, изъ такопзваногъ призрєня државногъ прогутати мора. По чему на како поспѣшномъ путу къ срећи државной, на како високомъ степену умнога достоинства налазити се мора народъ, кои в снажнымъ просвете дѣйствомъ како особну тако и државну слободу свою, ово найдрагоценіе како поедины' людій тако и целы' народа благо и условіе процветаня, стално оградити и утвердити кадаръ?

Но чимъ в народъ какавъ благотворнымъ просвете дѣйствомъ себи постоянь основъ за срећу државну положію, то ће онъ истомъ оживотвораваюћомъ силомъ покренуть, и своколико зданіе грађанскогъ благостаня на нѣму подигнути, а са тимъ и себи заслужно одлично положєнь у реду народа набавивши, быће свое до могућегъ степена државногъ савршенства узвысити. Еръ кадъ се развытакъ духа нарочито тако спомоћи и онапредити може, кадъ му се умне слободе полъ никаквымъ одъ гологъ, лукавымъ другога своєлюбіємъ воћеногъ произволеня положенымъ границама непритешнява; а у држави истинитомъ просветомъ дичећой се кругъ сваке слободе довольно уемченъ быти мора: то в очевидно, да у таковой држави и сва къ вѣштественной срећи и душевномъ спокойствуграђана принадлежећа, одъ развитка духа завысе-

На средства у пуной мери налазити се мораю. Ђр ђ осимъ тога, што у слободи искреностъ и поверенѣ, ови колико ясни знацы владаюће човечности, толико и најпріятніе отраде живота друштвеногъ, а скупа и сталне подпоре народногъ у свакомъ погледу многоважногъ саобраштаваня дубоко укоренити се могу, — іоште и свеколике струке како телесногъ тако и душевногъ грађанскогъ занимања, и снажну заштиту, и пространо за развытакъ полѣ, и нуждну за успѣхъ рану мораю налазити, чиме уедно и сваколика свеза државногъ саединеня утврђуе се. И кадъ у целой природи како вештественая тако и душевна надвага и снага призната быти мора, што е у станю себи у свако време пристойно уваженѣ набавити: то ће и просвештена држава, као уму сходнымъ уставнымъ савезомъ стална, а при томъ и личномъ и вештественомъ моћу одликуюћа се, не само одъ други држава морати быти непрезрена, него іоштъ и по нравственной снази своіой достойно уважена. Ђр ђ гди држава уважаваюћи уставомъ уемчену личность свои грађана, и уверена колико о правди и нужди свои установленя, толико о убећеню грађана о потребности нѣовой, никакву саблазань, никакву за общность штету у слободи явногъ о свачемъ изражаваня неналази; гди држава сваку за общте благо учинѣну заслугу припознае; гди грађани светомъ просвете просвећени у землѣдѣлію и рукодѣлію, трговини и художествама, наукама и нравственности успѣваю; гди дакле они у свестраномъ благостаню налазећи се како свое међусобне, тако и према отечеству дужности и точно познаю, и

нѣи безъ сваке принуде, добровольно и охотно, изъ самогъ увереня извршую, и еданъ за право другога, и сви за слободу и незавысимость многогъ имъ отечества себе жертвовати готови су: — такова држава не само унутрашнѣ среѣна и напредна, него и одъ споля уважена, — такова држава, таковый народъ свагда не само слободанъ и незавысимъ остати, него и првенство меѣу државама и народима света имати и одржати мора. — Напротивъ тога, кодъ кога народа или по току природномъ іоштъ сунце просвете огрануло нѣе, или, по лукавой себичности нѣговы' поедины' надмоѣны' сачленова, просвете зрацы у ономъ изобилію, и съ ономъ силомъ, коя найгушѣу таму разгонява, свою благодеть изливати немогу, таковый народъ у станію дѣтиньства, у станію малолѣтства остати мора. Ёрь кадъ онъ подобно детету, ков се често више способношѣу и расположенѣмъ на то, што быти може, него ли тиме, што есте, одъ животнога разликуе, іоштъ свое нѣга правымъ народомъ чинеѣе способности благодетнымъ просвете дѣйствомъ развіо нѣе: то нѣе другчіе ни могуѣно, него да се онъ у своме животу влада по ономъ закону природе, коимъ се друга животна управляю. Но целе неумне природе крайнѣе живота покретало и значай себичность. Незна она за право, нечувствителна е она према добродѣтели, незауоставля е у теченію нѣномъ общте благо. Она е единствено на свое одржанѣу управлѣна. И будуѣи да по закону овомъ веѣна сила маню нѣой противоположену уништава, а сродну привлачи и себи присвоява: то и у такомъ народу, као и у целой природи, право

ячега, ил' болъ реѣи, законъ безумне природе владати мора. У такомъ станю свака природна равность, свако право и слобода исчезава. Овладавшій ячій само свою себичность задовольити гледи, и само толико о себи подчинѣныма брине се, колико ратаръ безъ волова, колико господаръ безъ робова быти неможе. Ту нема никаквогъ закона; воля ячега слабїемъ за праваць служити мора; и тако слабїи принуђенъ быва на онай єдиный начинъ среѣанъ быти, кои ячега себичности наиболъ у рачунъ иде. Ту не само што нема никакве за общность заслуге, и што заслуга за личность ячегъ одъ части явно заступа нѣно место, одъ части нѣнымъ чести достойнымъ именовъ свою не редко подлу природу покрити труди се: него се и сама мысао за общность тобожнымъ родительскимъ препоручиванѣмъ, да свакій само свой посао гледи, у своіой клицы угушити настоява; и свака, често у самыма мыслима и речма появлююћа се брига за общность, за найгнуеніе преступленіе оглашена, жигомъ издае величества, жигомъ — о найнескладніе тиранства продрзливости! жигомъ издае общтегъ блага жигосана быва. Но како є другчіє и можно у држави, у коіой ячій свою, често общности преко противну користь слепцыма и кукавицама подъ общте благо продавати може; како є другчіє и можно у држави, у коіой свету добродѣтель подло претворство, у коіой проничућу мудрость плитко лукавство и гадна лажь, у коіой искрену, жертвуюћу се приврженость безсрамно ласканъ и презрительно пузенъ заменити мора?? У таковой држави дакле єдиный ячій одъ части

стра'омъ и надзирательскимъ насиліемъ, одъ части лукавомъ уменшошћу, уступанѣмъ гдикой чувствены' уживаня — коя пуку животность народа засићаваю, и тако га одъ помысла на свое выше опредѣленіе и обште благо одвлече — владаюћій, одъ ове насилно склоплѣне, и насилно или съ натегомъ одржаваюће се државе користь, премда и ту ядну, и непрестаномъ зебномъ загорчену имати може; а угнѣтено и поробоћено людство не само никаквогъ у човечности напредка чинити неможе, него за казнь свога у подлу животность погруженя, само теглеће стоке судьбу делити, само жигъ срамнога робства — и дотле носити мора, докле га годъ луча просвете како неозари, доклегодъ изъ свога душевногъ мртвила непрене се, и тако себе изъ овогъ ядногъ, природы духа противногъ и умногъ опредѣленія недостойногъ станя неизбави. —

Ово изъ саме природе просвете изведено философійско одлучно разматранѣ, о нѣномъ утицаню на напредакъ народа, потврћуе савршено и исторія како старога тако и новіегъ века, потврћуе данашнѣ станѣ различны' земальски' народа. Ніе ли величественый и сильный Римъ онда у своме найвећемъ цвету быо, кадъ е онъ истинито изображенъ быо, кадъ су начела строге стоическе философіе, великогъ овогъ обладателя света и себе и свое страсти побећивати научила; ніе ли напротивъ одма у назадакъ ићи, ніе ли се къ падежу клонити започео, чимъ се роскошности и другимъ нискимъ страстима предао, чимъ е свою животность питати, чимъ е ню човечности предпоставляти започео? И славна Атина онда

в несумнівно како у човечности, која са правомъ просветомъ еднакимъ корача коракомъ, тако и у напредку грађанскогъ живота, кои є одъ нѣ исто тако неразлучимъ, као што є она суштественый знакъ нѣговъ, — на врѣу свое, докле в света незаборавлѣне славе налазила се, кадъ в, наскоро после битке Платейске, Темистоклово предложенѣ — союзничку флоту кодъ Пегазе тада налазившу се спалити, и са тимъ Атину заповедницомъ целе Греціе учинити — савъ на скупштини нашавшій се народъ, премда в полза тогъ намереня неизмерима была, само изъ тога єдногъ узрока, што є неправедно, безъ дугогъ размышляваня, єднодушно одбаціо. — Но на што тако далеко у древность да се упуштамо, на што и друге новіє цветаюће или процветаваюће, порекломъ и наравима одъ насъ различне народе за примеръ и потврѣенѣ изложенога да узимамо, кадъ насъ, тако рећи, собствена чувства наша, и то пріятно сазидателно о томе уверити могу? Та нису л' по крви и закону браћа намъ, садъ већъ на судьбу Европе утичући Руси одъ оно доба исполинскимъ коракомъ напредовати започели, и оваї напредакъ продужую, како се заиста великій Петаръ народъ свой у просвети уздићи, и нѣга тако другима изображеныма народима успоредити постарао, а врстни нѣгови наслѣдницы примеру свога врлога предка послѣдую? —

Кадъ дакле просвета како на поєдины' людѣй, тако и целы' народа напредакъ благодѣтельно утицанѣ има; и кадъ свакій истинито умный человекъ и самъ онда само савршено напреданѣ и задоволянѣ быти може, када и народъ, коега

членомъ быти вышнѣмъ в промыслѣ опредѣ-
лѣнъ, у свое успѣва благостаню: то васъ садъ,
мили младиби! именовъ моимъ, именовъ Высо-
кославногъ Правительства и Светлогъ Княза, —
кой сложнымъ силама како о свему добромъ,
тако и о народной просвети данонобно брину
се — то васъ садъ именовъ делогъ изображе-
ногъ, а нарочито Славенскогъ света позывамъ,
да златно време младости ваше тако употреби-
те, како бы не само себе са потребнымъ знаня-
ма снабдѣли, умъ свой просветили и срце обла-
городили, него како бы и онда, кадъ вамъ се,
по воли Божіой, кругъ дѣйствованя вашегъ
распространи, у све-ведемъ изображеню напре-
дуюћи, и свете просвете зраке распространя-
ваюћи, оно народногъ благостаня семе, кое в
одъ ваши старіи юначкомъ мышцомъ и крепкомъ
за добро волюмъ срећно посеяно, уздигли и
одгаили, и тако милогъ намъ Отечества напре-
дакъ узвысили.

БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р19 Ср II 105.1